

Эта геополитика предполагает, во-первых, *защиту целостности собственной территории*, во-вторых, *поддержку интеграционных процессов и активное развитие связей на взаимовыгодной основе с постсоветскими государствами* и, в – третьих, *сотрудничество и партнерство с ведущими мировыми державами на равноправной основе*.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В. А. Михайлов

Ульяновский государственный технический университет

Главная задача исследования состояла в том, чтобы спроецировать вектор исторического развития русского этнического сознания на базовые характеристики современного русского национального самосознания и, наоборот, с помощью нынешних особенностей русского национального характера попытаться объяснить важнейшие тенденции в последовательной смене главных этнодетерминант и этномаркеров прошлой истории русского народа.

Специфика эволюции этнического сознания любого народа проявляется в коэволюции этнического и социального, поэтому наиболее адекватным оказывается метод поэтапного анализа коэволюционных рядов этнического и социального. Данный метод (синхронизированное проследивание коэволюционных взаимосвязей этно- и политогенеза, этно- и социогенеза, этно- и теогенеза и т. д.) позволил, во-первых, в надлежащей мере проследить влияние какого-либо определенного этнодетерминирующего фактора; во-вторых, установить его удельный вес и выявить его историческое значение в становлении русского национального сознания. Вот некоторые полученные данные.

Этно- и политогенез. Специалисты в области этногенеза в качестве ведущей (при формировании наций) называют тенденцию взаимообоюдного проникновения этнического и политического начал. Термин «государство-нация» специально подчеркивает цель и содержание подобного исторического процесса. Специфика «националистического принципа» (стремление к совмещению национальных и политических границ) в применении к истории русского народа состояла в следующем. С одной стороны, в истории русского народа отмечается большое значение полити-

ческого фактора. Здесь достаточно привести лишь одну из отечественных легенд (о призвании варягов на княжество), лежащих в основе объяснения появления древнерусского государства. Но, с другой стороны, если в Западной Европе государство завершает работу экономических, культурных и прочих объединительных факторов, то в России национальная консолидация начинается именно с политической области. При этом продолжительное время русское этническое сознание оставалось практически «голым» по своему экономическому и социокультурному содержанию. В силу этого государство не получило необходимой поддержки со стороны других социальных этноконсолидирующих факторов, а значит, не сумело явить и своих завершенных национально-государственных форм. Отсюда, кстати, вековая противоречивость русского национального сознания. Например, многие отечественные мыслители подчеркивали, что русские – это государствообразующий народ, но многие из них одновременно отмечали чуждость государственной идеи большинству русских людей.

Этно- и социогенез. Этногенез любого народа характеризуется тенденциями укрупнения и усложнения социальной структуры этноса. Так, каждому виду этноса и каждой исторической форме этнического сознания соответствует своя особенная социальная структура общества, а следовательно, и своя специфическая форма взаимосвязи этнического «мы» с другими конкретно-историческими социальными «мы», а также с определенным социальным типом личности. В России к моменту складывания великорусской протонации обнаруживается явное запаздывание в социально-классовом развитии по сравнению, например, с такими западноевропейскими странами, как Англия и Франция (которые первыми в Европе продемонстрировали завершение процесса складывания наций). Сословная система, свойственная народностному уровню развития этноса, окончательно сложилась в России только к XVIII в., а в Западной Европе уже к концу XVIII в. завершается процесс ликвидации сословной системы (Великая французская революция). Отсюда недоразвитие городской социально-политической инфраструктуры, слабость российского либерализма, антииндивидуализм и многие другие известные черты российского общества, мешавшие, замедлявшие или даже искажавшие процесс формирования национального самосознания. Индивидуальное сознание всегда оказывалось слишком слитым с религиозным, сословным, политическим и другими видами группоцентризма (то есть было недостаточно автономным), чтобы получить необходимый простор и мотивацию для обретения полноценного национального «мы».

Этно- и теогенез. Известно, что в донациональный период этнического развития ведущую роль в консолидации коллективного «мы» иг-

рает религиозное сознание. В истории российского государства именно православие стало той идеологией, которая позволила сцементировать политическое сознание в общегосударственном масштабе и преодолеть тем самым различные опасности многоэтничного состава страны. В конце концов это привело к сращиванию государства и церкви, к превращению православия в государственную религию. Недаром в дореволюционных паспортах штамповалось вероисповедание, но не национальная принадлежность. Однако и этот этноконсолидирующий фактор оказался «разбавленным» (относительная веротерпимость верхов, социальная узость церковной идеологии, нарастающая в ходе колонизации земель многоконфессиональность российского общества и т. п.), а следовательно, не вполне пригодным для быстрого и полного формирования национального самосознания русских. Характерный факт: отмечаемая практически всеми дореволюционными мыслителями религиозность русского народа (и даже возведенная многими из них в характернейшую черту русского национального характера!) вдруг почти полностью исчезает в советское время. Таким образом, религия явилась в русской истории одним из основных этнических маркеров, однако она никогда не была причиной межэтнических противоречий в российском государстве.

Итак, в России «националистический принцип» так и остался нереализованным. Российское государство с самого начала строилось как многонациональное, что предопределило многовековое невнимание и даже определенную настороженность (особенно со стороны верхов, которые на протяжении всей истории государства практически всегда были разнонациональными по своему составу) к этническому статусу личности. Например, в царское время официальным лозунгом был лозунг «За веру, царя и Отечество!». В этом лозунге указан конфессиональный, монархический и государственно-патриотический маркеры, но нет даже намека на этнический аспект. Господствует имперское, но не узконациональное общественное сознание (Россия, а не Русь). Характерно, что после гибели Российской империи на ее базе возникли не отдельные национальные государства, а многонациональный Союз ССР, т. е. большинство народов по традиции продолжало искать основу нового единства на сверхнациональных началах.

На всем протяжении своего развития русское этническое сознание никогда не было достаточно «чистым», ибо всегда оказывалось представленным в инобытийной форме – территориальной («русская земля»), лингвистической («русский язык»), политической («Русь»), церковно-религиозной (русский = православный) и пр., но – не этнической. Само изначальное содержание слова «русский» («русь» = дружина) было наполнено скорее социально-классовым, чем этническим содержанием. Интересно следующее.

На протяжении всей эволюции русского этнического сознания наблюдаются постоянные поиски самоидентификации: «Откуда есть пошла земля русская?» (XII в.), «Россия – это Запад или Восток?» (XVIII в.) и т. д. Но при этом собственно этнический компонент традиционно занимает ведомое, а не ведущее значение в структуре русского национально-государственного сознания. Очередной всплеск поисков этнической самоидентификации, как и в других странах, совпадает по времени с формированием нового типа этноса, а значит, и новой формы этнического сознания. Однако само русское этническое сознание каждый раз (в эпоху очередного «изобретения традиции») оказывается существенно скорректированным иными видами самоидентификации.

Сравнительно-исторический анализ прошлого и настоящего состояния русского этнического сознания. Многолетние мониторинговые исследования авторов показали, что этническое сознание носит относительно стабильный характер, поэтому данные последнего (наиболее обширного) опроса (июнь 1999) вполне репрезентативны для соответствующих выкладок. Вот некоторые из них.

В качестве признаков, по которым ульяновцы (как и представители других регионов) предпочитают определять национальность человека, выступают следующие: национальность родителей – 47,5 %, язык – 19,2 %, личный выбор индивида – 19 %, культурная ориентация – 13,4 %, религия – 11 % и т. д. Видно, что язык (как этноконсолидирующий фактор) поставлен на второе место, культурная ориентация – на четвертое, а религия – на пятое. Таким образом, языковая ориентация русского этнического сознания весьма размыта (уравнялась с индивидуальным выбором), государственная самоидентификация вообще выведена за пределы горизонта этносознания, а религия перестала играть роль ведущего этноформирующего и этномаркирующего фактора (и в этом главное отличие социального содержания русского национального сознания конца XX в. по сравнению с прошлым столетием).

Ответы на вопрос «В каком качестве Вам легче (привычнее) себя чувствовать или осознавать?» распределились следующим образом: русский (татарин, мордвин и т. п.) – 37,8 %, россиянин – 34,4 %, ульяновец – 12,3 %, волжанин – 6,1 %, гражданин мира – 5,7 %, европеец – 2,9 %, иной вариант – 0,8 %. На первый взгляд мы имеем приоритет этнической самоидентификации. Но если сложить вместе все вненациональные самоидентификации, то мы получим не только традиционную для русского этнического сознания альтернативу этноцентризму, но и некоторый сверхнациональный проект будущего: свыше 60 % россиян связывают свою этническую принадлежность с супранациональными типами общ-

ностей. В этом плане Россия демонстрирует общемировую тенденцию перехода к главенству наднациональных «мы»-ориентаций.

Теперь о соотношении этнического, территориального и государственного и иных форм коллективного «мы» в структуре самосознания ульяновцев. Мы уже видели, что 37,8 % ульяновцев видят себя главным образом русскими (татарами, чувашами и т. д.), а 34,4 % из них – россиянами. Но вот при ответе на вопрос «Что для Вас означает слово “Родина”?» 52 % респондентов назвали «место настоящего проживания», тогда как всего 5,5 % опрошенных выбрали этноокрашенное «все, что связано с историей моего народа». За этим феноменом скрывается двойной смысл: а) этническое, территориальное и государственное «мы»-чувства стабильно занимают ведущее положение и примерно поровну распределены в мироощущении современного жителя Ульяновской области (русского в России); б) удельный вес каждого из них в структуре этносознания кардинально меняется в зависимости от смены конкретно-исторической ситуации.

Прогноз. В XX в. «высокие» технологии выводят интегративные процессы на новый (наднациональный) уровень. Нациообразующие процессы практически завершены. Нации уже не рождаются, а лишь возрождаются. Эра наций прошла, остались лишь «времена» и «эпохи» для отдельных («неисторических») из них. В этих условиях национализм перестает быть явлением цивилизационного уровня. Современный этногенез отмечен существенными новациями: появились понятия типа «гражданин мира», «язык межнационального общения» и т. п., что свидетельствует о становлении новых этнических общностей супранационального характера. Этнос как большая социальная группа испытывает разрушающее давление укрепляющегося индивидуализма. Права и свободы личности уже сегодня положены в основу общественно-политической жизни и имеют тенденцию взять верх над коммунитаризмом любого национализма. Индивидуальное «я» все чаще коррелирует с общечеловеческим «мы» и тем самым становится все более автономным от любых (уже не всеобщих, как в прошлом) группоцентризмов. При этом постоянная борьба различных «измов» за доминирование в сознании и поведении людей (напрямую, конфессиональный космополитизм – шовинизм, пролетарский интернационализм – национализм) взаимно ослабляет их. К тому же все бывшие типы группоцентризмов снимаются новыми, но теперь уже более обширными «мы». Например, современный, пока еще очень разноликий панконфессионализм (Всемирный совет церквей, Всемирная мусульманская конференция и т. п.) несомненно будет связан с прогрессирующим усилением панславянизма, пантюркизма, пангерманизма и т. п. Супранациональные «мы» типа «советский человек», «американец», «россиянин»,

«евразиец» и т. п. выражают противоречивое единство процессов интеграции и дифференциации в этнической области на современном этапе: общечеловеческое «мы» еще слабо, но и узконациональное «мы» уже не всеильно.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МНОГОПАРТИЙНОСТИ

А. Н. Николаев, Н. В. Пшеничников

*Саратовский государственный социально-экономический
университет*

Переход российского общества к принципиально новой политической системе в начале 1990-х гг. вызвал и появление новых политических институтов, одним из которых являются политические партии. Они представляют собой один из базовых элементов структуры современного общества, без которого не мыслится существование современной демократии. Деятельность партий и движений в известном смысле может служить своеобразным индикатором, позволяющим определить истинный характер, социальную природу и идеологическую основу политического развития. Партии в развитом демократическом обществе выполняют целый ряд функций. Далеко не все из них в полной мере освоены российскими партиями. Рассмотрим, как проявляются в российской действительности такие функции, как политическое рекрутирование, конституирующая, инновационная, аккумулятивная, интегративная функции.

Политическое рекрутирование можно считать одной из центральных функций российских партий. Но так как российская многопартийность находится в процессе становления, то для сложившейся политической практики зачастую характерно отсутствие устойчивой связи между лидером и его партией. Поэтому политический имидж подавляющего большинства российских партий определяется политическим авторитетом их лидеров, а не наоборот. Еще одна немаловажная деталь: наличие личного рейтинга известности у ведущих политиков новых партий и организаций является необходимым условием прохождения их списков на выборах. За прошедшее постсоветское десятилетие в российской политической элите утвердился ряд потенциальных лидеров, получивших навыки по-